

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ОТЧЕТ О ВАРШАВСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОМУ
(В СВЯЗИ С ЮБИЛЕЙНЫМИ ДАТАМИ)

© 2017 г. Л.А. Колобаева

Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 27 декабря 2017 г.

Дата публикации: 25 июня 2017 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-2-324-333

Информация об авторе: Лидия Андреевна Колобаева — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Воробьевы горы, МГУ, 1 корпус гуманитарных факультетов, Филологический факультет, к. 967, 119899 Москва, Россия.

E-mail: l.a.kolobaeva@gmail.com

ANNIVERSARY CONFERENCE ON DMITRY MEREZHKOVSKY IN WARSAW

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017. L.A. Kolobaeva
*M.V. Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*
Received: December 27, 2017
Date of publication: June 25, 2017

Information about the author: Lidiya A. Kolobaeva, DSc in Philology, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Vorobyovy Gory, 1st Humanities, Faculty of Philology, Room 967, 119899 Moscow, Russia.

E-mail: l.a.kolobaeva@gmail.com

21–23 апреля 2016 г. в Варшавском университете состоялась международная научная конференция «Д.С. Мережковский: литератор, религиозный философ, социальный экспериментатор», посвященная 150-летию со дня рождения, 75-летию со дня смерти, 95-летию пребывания в Варшаве крупнейшего русского литературного деятеля XX в. Конференция была организована кафедрой восточноевропейской культурологии Института специальной и межкультурной коммуникации Варшавского университета совместно с Институтом литературы Болгарской Академии наук. В работе конференции приняли участие исследователи из Польши, России, Болгарии, Украины, Германии, Италии, Грузии, Беларуси, Латвии... По итогам конференции издан тематический номер журнала “Toronto Slavic Quarterly” [2].

Главное, и очень живое, устремление Варшавской конференции, как это прочитывается в докладах, — представить Д.С. Мережковского в многообразии и всеохватности его творческих проявлений. В той многосторонности и разветвленности путей, способов и форм «самосотворения» личности и литературы, которых так не хватает нам сегодня. А разносторонность его деятельности, в самом деле, поразительна. Это его «социальные и религиозно-философские практики» — прогнозы и сопротивление воинственному духу «желтолицего» позитивизма, поиски возможностей религиозного сообщества со старообрядцами, с народной средой; раздумье о драме противоречий и насилии в истории религиозной реформации (эссе о Кальвине); обоснование духовной программы в ее идеальном выражении («портрет» св. Франциска Ассизского); выяснение полижанровой структуры его «исторического» романа. Это диалоги писателя с литераторами-со-

временниками, с настоящим и прошлым, преломления и отзвуки голоса Мережковского в современной ему русской литературе; наконец, отражение его творчества в инациональных культурах (немецкой, итальянской, болгарской, в «китайском мире» (Китай, Тайвань, Япония)). Сверх того, открывается (почти не упоминаемое прежде) непосредственное участие поэта в *коммерции, рекламе* и в *политике*, что неожиданно и актуально, и потому с них, с этих проблем, конференция и начинается.

В первых двух докладах — *Алексея Холикова* («Автобиографическая заметка» и стратегия самосотворения во втором прижизненном «Полном собрании сочинений» Д.С. Мережковского») и *Вадима Полонского* («Стратегия Д.С. Мережковского по завоеванию европейского литературного рынка на рубеже XIX–XX вв.: ранние методы самопрезентации и западные «агенты влияния»») — видна существенная их общность в подходе к материалу. Вводя в научный обиход новый или малоизвестный фактический материал (извлеченная из Архива «Автобиографическая заметка» в сопоставлении с ее авторедакторскими правками в печатных вариантах у А. Холикова, материал эпистолярный и газетный, из французских газет, — в докладе В. Полонского), докладчики мастерски соединяют факты с перспективой широкой, обобщающей мысли. Тем самым обозначается выстраиваемая писателем «стратегия» его творчества и поведения, вырисовывается программа «самостроения». Эту общую стратегию Д. Мережковского, от «Автобиографической заметки» (1913) к первому «Полному собранию сочинений» 1914 г., А. Холиков выводит и формулирует последовательно, лаконично и в заключение статьи — по пунктам, как пристало науке, желающей быть точной: Мережковский религиозен с детства; для него принципиально важно общение с лучшими современными писателями; он — не декадент, а символист; он — оригинальный мыслитель; революционно настроен по отношению к церкви и старой России; писатель хорошо работает с фактами и др. Вывод А. Холикова — Мережковский пересмотрел свое «отношение к Толстому» [2, с. 22] — подготовлен сопоставлением оценок из книги «Лев Толстой и Достоевский» с «Автобиографической заметкой», где звучит признание писателя: «несмотря на глубочайшие умственные расхождения», Толстой ему «все-таки сердечно, религиозно ближе, роднее Достоевского» [2, с. 17]. Этот авторский корректив существенен в сознании Мережковского, в общей его творческой динамике.

Не утрачивают своей остроты вопросы о *политике*, об отношении к ней Мережковского. Об этом вызывающий несомненный интерес доклад Людмилы Луцевич «Лицом к лицу: две встречи». Это размышление о встречах писателя с Пилсудским и Муссолини на материале двух его очерков («Иосиф Пилсудский», 1920, и «Встреча с Муссолини», 1937). Мережковскому, подчеркивает докладчик, всегда была свойственна многофункциональность творчества и выходы за пределы чистой художественности. В роли политика он выступал не однажды, в 1905 г. и особенно после 1917 г., общался с эсерами и неонародниками, контактировал с Керенским, Савинковым и другими. Чем мотивировалась его встреча с двумя диктаторами — Пилсудским и Муссолини? Современники, как замечает докладчик, отвечали на этот вопрос просто — это стремление Мережковского к свержению большевистской власти в России и его меркантильные интересы. Л. Луцевич стремится расширить и уточнить мотивацию, как и картину в целом. Проявленный писателем в очерках «сервилизм» она готова связать с традицией давнего, привычного отношения поэтов к царствующей власти, начиная с Ломоносова и Державина, однако и отделяет от нее Мережковского, напоминая, что теперь перед ним «*“чужие”* [здесь и далее курсив и полужирный курсив в цитатах мой. — Л.К.] властители» [2, с. 54]. Писатель мифологизирует героев своих очерков, при встречах с Пилсудским и Муссолини делает «попытку личного воздействия» на них. И главной причиной обращения к ним (как это выясняется из контекста статьи в ее целом) является сокрушительное нарастание в сознании Мережковского ощущения близящейся катастрофы мира, когда решается для него вопрос «*быть или не быть?*» [2, с. 56]. Подобный вывод, с усилением его смысла, выносится и в другой статье, стоящей рядом и перекликающейся с Л. Луцевич. Это яркая работа Нины Барковской «*“Анти-Данте” как автопсихологическая проекция Дмитрия Мережковского*». Здесь вырисовывается необычный образ Данте — Анти-Данте, не похожий на творца «Божественной комедии», поэт в состоянии крайней тревоги, предчувствия некоего устрашающего мирового «взрыва» [2, с. 64]. Такой образ Данте был выражением *субъективной психологии* самого Мережковского, ее *двойственности*. Выражением того напряженного состояния русского писателя в 30-е гг., когда в большевизме ему виделось нашествие мирового «метафизического зла» [2, с. 51, 64], угрожающего гибелью всей накопленной человечеством культуры.

В группе докладов по социальным и религиозно-философским «практикам», как необходимые друг другу полюса, соотносятся между собой два ключевых доклада — Елены Андрущенко и Александра Медведева. В первом исследуются прогнозы Мережковского на будущее — прогнозы критические, связанные с развитием потенций крайнего зла, «Грядущего Хама», в массовом сознании, во втором — истоки явленной в прошлом и чаемой в настоящем и будущем истинной христианской веры, веры Франциска Ассизского. Елена Андрущенко отказывается толковать «Грядущего Хама» так, как это делалось прежде ею самой и другими исследователями, — толковать его «просто и прямо». Теперь она резко усложняет пути интерпретации. Расширяет контекст и, связывая между собой контекстными перекличками и смысловыми созвучиями целый круг работ Мережковского (близких по времени к «Грядущему Хаму» — о Белинском, о Гоголе, «желтолицых позитивистах»), отыскивает в них новые смысловые оттенки в дополнение к ключевым образам-понятиям статьи — *хам, раб, мещанин, черт* — и к отношениям: хам и культура, раб и государство и др. В итоге исследовательница приходит к заключению, что в символике Грядущего Хама — помимо предупреждений писателя об опасностях массового сознания, о возможных кризисах политических, государственных и социальных — сильнейшей оказывается тревога Мережковского о личности, которая готова стать, «как все» [2, с. 85]. И это, разумеется, правильно. Только стоит, пожалуй, добавить, что, по убеждению Мережковского, «все дела, чувства и мысли» в современной европейской культуре кончаются одним — «острием личности» [3, с. 218].

В своем докладе «Св. Франциск Ассизский в творчестве Д. Мережковского и русская “францискана” (Достоевский, Розанов, Дурьлин)» Александр Медведев обосновывает значимость сделанного Мережковским открытия в русской литературе рубежа XIX–XX вв. — образа Франциска Ассизского (поэма «Франциск Ассизский. Легенда» в сборнике «Приложения» к журналу «Нива», 1891 г., №3 и в сборнике «Символы», 1892 г.). Это образ «итальянского святого в России», ставшего вскоре «литературным русским святым», святым интеллигенции, по словам В. Розанова [2, с. 88]. Исследователь устанавливает, что Мережковский развертывает в поэме отсутствующую в известной францисканской агиографии и очень важную образную антитезу «сурового аскета» Сильвестра и Франциска Ассизского [2,

с. 94] — просветленного, исполненного неистребимой радости жизни, любви к живой природе и человеческому миру. Первоисточком открытия Мережковского был Достоевский, и с него-то, собственно, статья А. Медведева и начинается. В главе «Великий Инквизитор» («Братья Карамазовы») содержится прямое соотнесение старца Зосимы с Франциском Ассизским (на что указала еще В.Е. Ветловская и на нее ссылается А. Медведев [2, с. 86]). Кульминационную значимость этой главы романа с ее первоначальным названием — «Pater Serafiphicus» (имя Франциска) — Достоевский подчеркивал в письме к редактору Н.А. Любимову (от 11 июня 1879 г.), выдержки из которого рассматриваются в статье. В связи с этим здесь приводится знаменательное признание писателя в «*общехристианской*» цели шестой книги, а также его мысль о том, что «*чистый, идеальный христианин* — дело не отвлеченное, а образно реальное, возможное» [1, с. 68–69], «соединяющее *православное и католическое* благочестие» [2, с. 87]. Образное воплощение подобных идей, в чем нас убеждает предложенный А. Медведевым конкретный и интертекстуальный анализ художественного текста Достоевского (образ кельи Зосимы с иконами православными и католическими, его свобода в отношении поста, диалоги с проповедником жесткого и неукоснительного аскетизма о. Ферапонтом и т. д.), и явило собой первоисток «францискианы» в русской литературе, который будет распространяться и дальше.

Как устанавливает докладчик, францисканские мотивы проявились в творчестве Алексея Толстого (поэма «Иоанн Дамаскин»), получили свое развитие в поэме Мережковского о Франциске Ассизском и в его францисканском прочтении пушкинских «Цыган», прозвучали в критике аскетизма у В. Розанова, Н. Бердяева и С.Н. Дурьлина. А. Медведеву удается выявить существование в русской литературе определенной, весьма весомой, *традиции* францискианы, в которую и вписывается творчество Д. Мережковского.

Среди теоретических вопросов наиболее существенным представляется вопрос о специфике *жанра* исторического романа, на котором концентрируется внимание в работе Дьердь Золтана Йожии «Миф и инициация. К проблеме “полижанровости” романа Мережковского “Рождение богов. Тутанкамон на Крите”». Исследователь рассматривает проблему жанра романа Мережковского на широком историко-литературном и

культурном фоне, в сопоставлении специфики романного жанра у Толстого, Достоевского, Андрея Белого — в свете суждений о них М. Бахтина, самого Мережковского и современных исследователей. Он прослеживает трансформацию биографического или «отказ от биографии» в романе, ориентацию на жанр *жития* (у Достоевского), полифункциональность *мифа* и соотнесенность каждого момента человеческого бытия с *космическим* началом (у А. Белого). Ученый обнаруживает подобные жанровые качества в романе «Рождение богов. Тутанкамон на Крите» и обосновывает определение его жанровой специфики как «романа инициации», посвящения. При этом не вызывает согласия предложение Дьердь Золтана Йожи отбросить обозначение жанра романов Мережковского как «исторического романа» [2, с. 125, 129–130]. Верно, что к этому общему определению надо искать и находить обозначение его специфических, в каждом отдельном случае дополнительных признаков и красок. Но отказываться от знакового имени «исторического романа», рожденного у Мережковского главным устремлением всего его творчества — принципом «религиозно-исторического познания» мира и человека, думаю, нет достаточного резона.

Выразительные штрихи к «портрету» Мережковского и его сознания запечатлевают доклады под рубрикой: «Диалоги, контраверсии, воспоминания» — *Марии Цимборска-Лебода* о диалоге Вяч. Иванова с Мережковским, *Марии Киондзер* о П. Чаадаеве в оценке Мережковского, *Тамар Гоголадзе* и *Нино Миндиашвили* о Мережковском в восприятии Григола Робакидзе, *Александра Федуты* — о Павле I в пьесах Мережковского и Всеволода Иванова, *Ивоны Крыцка-Михновска* — о Мережковском во всех многочисленных дневниках и воспоминаниях жены. Здесь исследуются некие художественные отклики, реакции писателей-современников, их «ответ» на произведения Мережковского. Выделяется при этом доклад *Екатерины Кузнецовой* «Отражение философско-религиозных идей Д. Мережковского в симфонии “Кубок метелей” и романе “Серебряный голубь” Андрея Белого». В «Кубке метелей», полагает докладчик, любовь осмысливается через чувство Бога, в духе идей Мережковского, с преломлением его «верхней бездны», бездны духа. Роман «Серебряный голубь» оценивается более критически. В нем одерживает верх гротескно-ироническая и сатирическая трактовка событий, с торжеством «нижней бездны» в них. В герое романа

Кудеярове, одним из прототипов которого был сам Мережковский, Белый усматривает «одержимость сектанта» [2, с. 188].

Особенно актуальная проблематика, еще не так давно нам почти недоступная, содержится в разделе докладов об «инокультурной рецепции» Мережковского. Здесь продемонстрирован процесс активной рецепции его творчества во многих европейских странах — в Германии, Италии, Болгарии, Латвии, а также в Китае, Японии и других странах — процесс, начавшийся в конце XIX в., продолжающийся и сегодня. Факты многочисленных изданий произведений Мережковского свидетельствуют об авторитетности писателя в этих странах. При этом в его творчестве выделяются в переводах прежде всего его исторические романы, трилогия «Христос и Антихрист», чаще всего первый роман об античной эпохе и второй, о Возрождении, привлекают внимание литературно-критические исследования писателя («Вечные спутники», «Л. Толстой и Достоевский»), религиозно-философские труды («Иисус Неизвестный»), а также многие публицистические статьи писателя. Анализ рецепции Мережковского в Болгарии (доклад *Йордана Люцканова*) свидетельствует и о таком печальном факте в истории литературных отношений России (тогда Советского Союза) и славянских стран, как полувековое замалчивание писателя (с 1930-х гг. до 1990-х), копирующее литературную политику России того времени.

Рельефную картину восприятия Мережковского в Германии разворачивает в своем докладе *Ольга Богданова* — «Дмитрий Мережковский и мюнхенское издательство “Пипер” в первой трети XIX в. (межкультурная трансляция концепта “земля”)». Интерес в Германии к Достоевскому, немецкое издание «Льва Толстого и Достоевского» в 1903 г., внимание к событиям русской революции 1905 г. и к формированию концепта «земля» как истока концепта «плоти» и нового религиозного сознания у Мережковского находит отклик в немецкой философской и публицистической критике и оказывает влияние на нее. Красноречивы здесь приводимые О. Богдановой свидетельства — прозвучавшие в печати параллели Мережковского с Ницше, «русский след» в «Закате Европы» Шпенглера, противоречивые толкования «земли» среди немецкой интеллигенции, у сторонников «консервативной революции» и, наконец, восторженный отзыв Т. Манна о Мережковском как гениальном критике. Впечатляюща также хроника мно-

гочисленных мюнхенских изданий и переизданий книг, сборников эссе и дневника Мережковского.

Говоря о Варшавской конференции, невозможно забыть еще об одном ее участнике — это *смех*, прозвучавший в докладе Вячеслава Крылова о Мережковском в пародиях начала XX в., и веселый, остроумный смех стихотворных шуток Александра Федуты обо всем прослушанном.

Завершающей точкой Варшавской конференции стал молчаливый свидетель жизни Д. Мережковского — его фотографические и живописные портреты (в профессионально точном описании *Гражины Бобилевич* — «Иконография Дмитрия Мережковского»). И мы можем судить, как выглядел писатель, как одевался, как «держал себя», каким был и казался, каким виделся современникам. Все это весьма примечательно.

Нельзя не признать в заключение, что Варшавская конференция стала живым и остросовременным форумом, который широко развернул и углубил наши научные представления о творческом наследии Д.С. Мережковского — необычайного явления русской литературы Серебряного века.

Список литературы

- 1 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1988. Т. 30. Кн. 1. 456 с.
- 2 Д.С. Мережковский: литератор, религиозный философ, социальный экспериментатор / ред. Н. Барковская, Л. Луцевич, Й. Люцканов, А. Медведев // *Toronto Slavic Quarterly. Academic Electronic Journal in Slavic Studies*. 2016. №57. 424 с. Эл. версия: <http://sites.utoronto.ca/tsq/57/index57.shtml>
- 3 *Мережковский Д.* Розанов // *Мережковский Д.* Большая Россия / сост. А.Н. Николукин. М.: Республика, 2011. С. 215–222.

References

- 1 Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete collection of works: in 30 vol.]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. Vol. 30. Book 1. 456 p. (In Russ.)
- 2 D.S. Merezhkovskii: literator, religiozniy filosof, sotsial'nyi eksperimentator [D.S. Merezhkovsky: a writer, a philosopher of religion and a social experimenter], ed. N. Barkovskaya, L. Lutsevich, J. Lyutskanov, A. Medvedev. *Toronto Slavic Quarterly. Academic Electronic Journal in Slavic Studies*, 2016, no 57. 424 p. Electronic version: <http://sites.utoronto.ca/tsq/57/index57.shtml> (In Russ.)
- 3 Merezhkovskii D. Rozanov [Rozanov]. *Merezhkovskii D. Bol'naiia Rossiia* [Patient Russia], ed. A.N. Nikoliukin. Moscow, Respublika Publ., 2011, pp. 215–222. (In Russ.)